

М. С. Фомин

**МОДАЛЬНО-ИМПЕРАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР АРМЕЙСКОГО
ПОДЧИНЕНИЯ КАК ФАКТОРА ПРАВСТВЕННО ОБРАЗУЮЩЕЙ
СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОГО СОСТАВА**

Работа представлена кафедрой педагогики.

Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор А. Г. Козлова

В статье поднимается проблема воинского подчинения, раскрывается не только как институциональная специфика, но и как категория, обладающая ценностным характером и потенциалом трансформационного воздействия, а кроме того, как категория, актуализирующая проблему поиска человеком смысла собственной жизни, подводя его к обращению в религиозную сферу.

The issue of military submission is raised in the article not only as an institutional special feature, but also as a category possessing the power of transformational influence and also as a category that refreshes the problem of human life sense searching and leads a person to the religious sphere conversion.

В настоящее время перед военной идеологоформирующей элитой России актуально стоит задача осмысления проблемы подчинения, являющегося для армии любого государства базисно-сущностной категорией.

Для современных Вооруженных Сил РФ актуальность обуславливается прежде всего либеральным смещением акцентов и критериев понимания свободы личности, в частности солдата-срочника. Во-вторых, выходом проблемы на ментальный уровень: в определенных условиях происходит трансформация и реинстоляция сущностных характеристик и черт личности, что приводит к образованию новой психосоциокультурной данности.

В этой связи автором статьи ставятся две задачи: во-первых, обозначить уровень перехода демаркационной линии, пересечение которой инициирует в военнослужащем психоментальную трансформацию, во-вторых, выявить объективные и субъективные аспекты, влияющие на формирование его *отношения* к подчинению.

Разрешение поставленных задач позволит сфокусировать усилия психолого-педагогического воздействия военачальников на подчиненный личный состав, скоординировав их в направлении выработки в нем модально-императивного отношения к службе в рядах Российской армии, в контексте ясного представления философско-мировоззренческого фона-базиса, сопутствующего ему.

Поднимая проблему подчинения, необходимо отметить, что речь идет не о чисто механическом исполнении приказа или приказаний¹ лица, наделенного властными полномочиями и статусом. Актуализированный вопрос предстает в более глубоком смысло-содержательном ракурсе: не является ли противодействие принципу единоначалия² менталитетом военнослужащего –

всего того, «что служит основанием устойчивой идентичности»?³

Условием приближения военнослужащего к демаркационной линии, отделяющей соматические стороны (S–R) его жизни от явлений ментального порядка, является овладение им рефлексией, представляющей первым объективным аспектом влияния: предполагает наличие активного объекта социализации – командира – интенционально-превентивно инсталирующего в эго-структуру военнослужащего аксиологическую парадигму милитаристско-протекционистского характера, в свете которой формальная сторона службы, т. е. ношение военной формы одежды, начинает рассматриваться военнослужащим как фактор, нивелирующий экспликацию его негативной самости и волюнтаризма, синергия которых обуславливает превышение критической массы центробежных сил, что, в свою очередь, продуцирует системный хаос и дисфункцию армии как института.

Контекст сказанного позволяет указать уровень, эволюционное достижение которого катализирует психоментальную трансформацию в личности военнослужащего.

С общегражданской точки зрения таким уровнем является глубоко-предвзятая постановка вопроса о смысле собственной жизни, к которой условиями и обстоятельствами военной службы присовокупляется отчетливое осознание необходимости беспелляционного выполнения приказа отдать собственную жизнь в противостоянии активизировавшемуся противнику.

Совокупность сказанного, а также рассмотрение армии как института, обеспечивающего государственность и независимость, обязывает делать вывод о том, что «имеющийся в его распоряжении орудийный потенциал в состоянии эффективно работать лишь при условии, что за ним стоит мотивирующая, смысловая, ценностная

идея»⁴, одной из которых оказывается подчинение.

Статья 31 гл. 2 Общевоинского Устава устанавливает, что «по своему служебному положению и воинскому званию одни военнослужащие по отношению к другим могут быть начальниками и подчиненными. Начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения. Обсуждение приказа недопустимо, а неповиновение или другое неисполнение приказа является воинским преступлением»⁵. Однако данная системообразующая установка не вписывается в господствующую в современной России идеологию либерализма, с его специфическим пониманием и отношением к свободе как «перманентному расширению сферы дозволенного»⁶.

Сегодня социальная действительность характеризуется тем, что в системе мотивации личности «произошел резкий сдвиг в пользу сиюминутной озабоченности. От универсального к частичному, от разностороннего к одномерному, от высокого к примитивному, от перспективного к краткосрочному»⁷, что, однако, является нисходящим поступательным движением от уровня системно-ценностного осмысления сути и предназначения службы в целом и подчинения в частности.

Указанный сдвиг становится причиной неприятия солдатами срочной службы принципа единоначалия, в связи с тем что он налагает на них ряд существенных ограничений и лишений, носящих не свойственный личностно-репрессивный, но дисциплинирующий характер.

Характерным примером является внешний вид военнослужащего. При построении военнослужащий должен знать свое место в строю, занимать только его, быть опрятно одетым. К последнему относится застегнутая верхняя пуговица кителя, которую военнослужащие по разным причинам зачастую позволяют себе не застегивать.

С тактической точки зрения данная проблема может показаться малозначительной, однако в стратегическом аспекте она

предстает серьезным фактором дисциплинирующего воздействия на военнослужащего: личный опыт многих военнослужащих говорит о том, что в боевых условиях или условиях, максимально к ним приближенных, им удавалось выжить только благодаря тому, что ими неукоснительно точно выполнялись все соответствующие регламентирующие и предписывающие инструкции, в том числе касающиеся и формы одежды, так как военная форма одежды – это не только солдатский китель и сапоги, но и летный костюм, и гидрокостюм подводника, и обыкновенный противогаз.

Очевидно, что сам по себе незастегнутый воротничок кителя не может стать причиной гибели солдата, однако в системном рассмотрении и выявлении причинно-следственных связей именно он становится причиной возникновения напряженности, приводящей к последствиям различной степени тяжести, характерным показателем которой являются происшедшие и происходящие случаи травматизма и гибели личного состава в *мирное* время, причиной которых становится личная недисциплинированность, из-за которой армия несет потери в условиях отсутствия боевых действий за независимость государства.

Кроме того, гипертрофированное либерализмом понимание свободы, порождающее полномасштабную недисциплинированность, приводит к всеобщей дисфункции мобилизационно-концентрирующего потенциала социума государства и, как следствие его уязвимости, а «подобно тому, как беспомощность жертвы распаляет садистские инстинкты насильника, тотальная бесструктурность, апатия и безволие распаляют воображение соискателей бесконтрольной мировой власти»⁸, что выводит проблему подчинения на уровень международных отношений, характеризующихся высокой конкуренцией, агрессивностью и враждебностью: «Человечество пережило более 14 тысяч больших и малых войн, в которых было загублено почти 4 миллиарда человеческих жизней»⁹.

Приведенные данные становятся для Вооруженных сил напоминанием и иллюстрацией того, что наиболее вероятным состоянием, к которому стихийно стремятся все системы, является хаос, который не нужно искусственно производить, но который, напротив, возникает сам собой, как только она ослабляет активность по производству системообразующего порядка. Ситуация усугубляется тем, что «поскольку человеческий вид, в отличие от животных видов, не имеет инстинктивной стабилизирующей программы, то фазы «естественной вольности» неизменно переходят в чудовищный разгул асоциальной анархии, в состояние, где абсолютно все, вплоть до неслыханно извращенных насилий, перманентных грабежей и убийств, всеобщего мародерства, становится не только возможным, но и весьма вероятным»¹⁰.

Осмысление совокупности вышеуказанных факторов позволяет сделать вывод о том, что в либеральном пространстве невозможность и неприятие подчинения (принципа единоначалия) в армии становится менталитетом военнослужащего, однако, принимая во внимание генерируемые им последствия для человека и общества, его позволительно назвать контрменталитетом в силу последовательного подведения их к небытию. В условиях военной службы это проявляется в случаях нелепого травматизма и гибели личного состава в условиях мирного времени.

Опыт военной службы показывает, что в случае наступления трагических происшествий родители солдат-срочников обвиняют в случившемся непосредственных командиров и армию в целом. Подобный подход, безусловно, имеет под собой серьезное основание, тем не менее до конца правомочным он все-таки считаться не может, в силу того что исключает второй аспект влияния на личность военнослужащего – институт семьи как объект первичной социализации, внутри которого происходит формирование и закрепление системы ценностей человека, расширяемой в дальнейшей

самостоятельной жизни, этапом которой является служба в армии.

Проблема подчинения обретает позитивно-ментальный статус и характер в случае ее рассмотрения в призме ценностей высшего порядка – Родины и Долга, которые, в свою очередь, закладываются именно в семье.

Обращение к теме семейного воспитания обусловлено тем, что именно в семье человек воспринимает и научается подчиняться, т. е., применительно к институту армии, получает первичный практический опыт реализации принципа единоначалия.

А. Г. Харчев говорит о том, что, «как первичная форма общности людей, семья непосредственно сочетает в себе индивидуальное и коллективное начала. В этом смысле она является звеном, связующим не только биологическую и социальную, но также индивидуальную и общественную жизнь людей, служит для них первым источником социальных идеалов и критериев поведения. При этом семья не только передает, но и создает духовные ценности, такие, как супружеская и родительская любовь, уважение и любовь детей к родителям, семейная солидарность»¹¹.

И. А. Ильин пишет о том, что «ребенок в семье учится верному восприятию авторитета. В лице естественного авторитета отца и матери он впервые встречается с идеей ранга и научается воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь, но, не унижаясь, и научается мириться с присущим ему низким статусом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление. Он научается извлекать из начала ранга и из начала авторитета всю их творческую и организационную силу, в то же время освобождая себя духовно от их возможного «гнета» посредством любви и уважения. Ибо только свободное признание чужого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения, и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека»¹².

Иными словами, наличие у солдата подобного опыта способствует глубокому

пониманию им значения в военном деле принципа единоначалия: все приказы и распоряжения вышестоящего командования направлены в конечном итоге на сохранение жизни и здоровья подчиненного.

На естественный и справедливый контраргумент о том, что в реальности существует большое количество вышестоящих военачальников, отдающих своим подчиненным, по меньшей мере, неразумные приказы, можно ответить, что в общем и целом ситуация зависит от личности командира: его профессиональных качеств и опыта, степени гипертрофированности осознания своего статуса в свете факта наличия у него реальной власти над людьми, направлением вектора волевого приложения нравственной силы сформировавшейся системы духовных ценностей.

Кроме того, следует отметить, что благодаря осмыслению места и значения социального института семьи появляется возможность раскрытия другой проблемы, имеющей для института армии центральное, первостепенное значение, а именно сути, содержания и значения понятий «Родина» и «Патриотизм», безусловно, включаемых в ментальную сферу.

В этой связи возникает необходимость проведения проблемного анализа обозначенных категорий, заключающегося в оценке преобладающего в социуме отношения к ним: их актуальности и статусе. Проблема состоит в том, что в случае, если отношение, статус и актуальность носят номинально-минимальный характер, возникает естественный вопрос о необходимости и целесообразности института армии и, соответственно, службы в ней граждан государства.

Разрешение поставленной задачи должно основываться на том, что «сама идея «родины», лона моего рождения, и «отечества», земного гнезда моих отцов и предков, возникла из недр семьи как телесного и духовного единства. Семья для ребенка первое *родное место* на земле; сначала место-жилище, источник тепла и питания, потом место осознанной любви и духовного понимания¹³.

Высказанная И. А. Ильиным идея является связующим звеном двух социальных институтов, для каждого из которых понятия «родина» и «патриотизм» обладают фундаментальным значением.

Совершенно очевидно, что «ни территория, ни климат, ни географическая обстановка, ни пространственное рядом-жительство людей, ни расовое происхождение, ни привычный быт, ни хозяйственный уклад, ни язык, ни формальное подданство – ничто не составляет Родину, не заменяет ее и не любит патриотической любовью. Ибо все это, взятое в отдельности, подобно телу без души или колыбели без ребенка; все это есть не более чем *жилище* родины, ее оружие, ее средство, ее материал, но не она сама. Все это необходимо ей; все это через нее и через ее жизнь получает высший смысл и священное значение, но она сама больше всего этого; она этим не исчерпывается и к этому не сводится; и потому она может жить и осуществляться – и при известных изменениях в ее жилище или в ее материале. Родина нуждается в территории, но территория не есть родина. Родине необходима географическая, климатическая обстановка, но похожие условия климата и географической обстановки можно найти и в другой стране и т. п. Ни одно из этих условий жизни, взятое само по себе, не может указать человеку его родину: ибо родина есть *нечто от духа и для духа*»¹⁴.

Таким образом, совершен шаг к важнейшей сфере жизни любого человека, формирующей смыслообразующие вехи его жизни – сфере духовной жизни.

Сопряженность службы в армии с вероятностью и необходимостью смерти в случае начала боевых действий, являющейся важной реалией духовной жизни, способна оказать большое значение в рассмотрении понятий «родина» и «долг».

Представляется, что пребывание в состоянии объективного осмысления реальности смерти одухотворяет географическое пространство родины и делает ее Родиной, для которой чья-то смерть (одного солдата или целой роты) не останется фактом,

не способным иметь адекватное значение для окружающих: сослуживцев, родных, соотечественников.

Слово «Родина» в указанном контексте перестает быть абстрактным понятием, а благодаря необходимой материальной составляющей, усиливающей эмоционально-аффективное состояние переживания сопричастности, оправдывает и, более того, делает смерть необходимым шагом к соединению с духом Родины, жертвенным шагом во имя будущей жизни, рождая, таким образом, понятие «долг».

Именно благодаря тому, что Родина есть вместилище духа, патриотизм можно определить как состояние переживания сопричастности этому духу, следствием которого является осмысленная готовность совершать те или иные действия.

В случае переложения изложенного в религиозную действительность все сказанное обретает еще большую ясность и закономерность.

Если Родина – географическое пространство со всем тем, что этому сопутствует, – рассматривается еще и как Богом сотворенная реальность, Богом же данная человеку, раскрывающая своим благолепием величие и мудрость Творца, если Родина есть вместилище Духа Святого, то тогда патриотизм есть действительно состояние сопричастности Духу, *стремления* к единению с Ним, воспринимаемое и ощущаемое человеком как осознанная необходимость, т. е. истинная свобода. В таком случае смерть за Родину оказывается действительным актом жертвенной любви к и во имя всех живущих. В этой связи оказываются примечательными слова Евангелия о том, что нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих.

Для института армии все сказанное является не просто красивой, справедливой, воодушевляющей риторикой. Служба в армии – это не только постоянная тренировка и отработка боевой готовности, не только выполнение должностных обязанностей, это не только четная субординация и воинские звания. Служба в армии – это

прежде всего готовность пойти в бой, готовность неукоснительно выполнить такой приказ, готовность пойти на смерть, выполнив приказ командира, обсуждение которого недопустимо, «а неповиновение или другое неисполнение приказа является воинским преступлением»¹⁵.

Для Армии смерть является реальностью, данностью и необходимостью и неизбежностью. Именно поэтому наполнение понятий «родина» и «патриотизм» Высшими ценностями осмысляет, одухотворяет и облегчает в случае неизбежности необходимость пожертвования собственной жизнью. Без Бога нет смысла, что приводит к дезорганизации и недееспособности армии как силового инструмента государства, способного своим наличием и здоровым морально-психологическим духом *предупредить* возникновение крупномасштабных конфликтов, а в случае их возникновения неукоснительно добиваться его скорейшего прекращения путем выполнения своего прямого государственного предназначения: хладнокровного уничтожения противника.

Подводя итог всему сказанному, необходимо отметить, что проблема неподчинения, а шире – недобросовестного отношения к службе – способна обрести и обретает ментальный характер и статус только в случае перехода к рассмотрению актуальных проблем и задач с точки зрения реальности и действенности духовного опыта человека, накопление которого формирует менталитет отдельно взятого человека и, соответственно, социума, этноса. При этом *принципиально* важно подчеркнуть, что духовный опыт отличается тем, что по своему содержанию он может быть как положительным, так и отрицательным: либо в Боге, либо без Бога и *tertium non datur est*.

В предложенном контексте рассмотрения проблемы очень емкой и содержательной оказывается позиция Ф. М. Достоевского, выраженная им словами князя Мышкина: «Кто почвы под собой не имеет, тот и бога не имеет. Кто от родной земли отказался, тот и от бога своего отказался»¹⁶.

Проделанная работа позволяет сделать следующие вводы:

1. Всестороннее рассмотрение проблемы подчинения в армии обязывает включить в поле исследования целый спектр иных фундаментальных категорий, например «долг» и «родина», что доказывает сформулированный тезис о мультиаспектности проблем, квалифицируемых как ментальные.

2. Процесс изучения проблемы подчинения позволил раскрыть содержание широко употребляемого понятия «духовный»: духовным следует считать только то, что реально-действенно признает Бытие Бога. В этой связи принципиально важно отметить, что ипостась в полном объеме соотносится с «духовным». Отличительной чертой оказывается знак или направление нравственного вектора силы.

3. Помещение проблемы подчинения в духовную сферу позволило определить уровень, на котором происходит пересечение демаркационной линии, отделяющей ментальную сферу от всех остальных, а именно уровень живого ощущения Бытия Бога, которое позволяет принципиально пересмотреть выявленную проблему: живое ощущение Бытия Бога позволяет воспринимать и относиться к подчинению не как к данности, закрепощающей и репрессиву-

ющей личность, но как к виду и степени послушания, в котором четко задается субординация, а самое главное, раскрывается ее предназначение и смысл – спасение, избавление человека от пагубного воздействия со стороны окружающих, но прежде всего со стороны самого себя.

4. Выводы предыдущих пунктов позволяют говорить о том, что подчинение, понимаемое не как послушание, что исключает из поля зрения Бытие Бога, оборачивается глубоким, эгоистическим своеволием человека – перманентным расширением сферы дозволенного, что отчетливо и повсеместно наблюдается в настоящее время в России и мире, причем во всех сферах жизни и деятельности человека. В современных социально-экономико-политических условиях описанные реалии исчерпывающе передаются категорией «социалдарвинизм», выросшим из духовного наследия Т. Гоббса – его презумпцией *homo homini lupus est*.

5. Наконец, рассмотрение проблемы подчинения позволило определить и доказать большое значение социального института семьи – института, в котором возможно осуществление ментальной трансформации личности, пребывающей в состоянии становления духовно-нравственных императивов и ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общевоинские Уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Военное издательство, 1994. С. 18–19.

² Там же.

³ Панарин А. С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. С. 232.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Общевоинские Уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. С. 17.

⁶ Панарин А. С. Указ. соч. С. 149.

⁷ Там же. С. 39–49.

⁸ Там же. С. 261.

⁹ Каишев Ю. Б. После 14 000 войн (О внешней политике СССР, проблемах мирного сосуществования и борьбе идеологий на современном этапе) М.: Молодая гвардия, 1976. С. 71.

¹⁰ Панарин А. С. Указ. соч. С. 74.

¹¹ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. С. 6–7.

¹² Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004. С. 196.

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 223.

¹⁵ Общевоинские Уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. С. 17.

¹⁶ Достоевский Ф. М. Идиот. М.: Эксмо-пресс, 2002. С. 564.